

Бодис Исек
Кингелес, Конго,
проект «Киншаса
третьего тысячеле-
тия», 1997 год

Сара Се, США,
«Все, что поднимает-
ся должно соединять-
ся», 1999 год

В течение первых лет вырабатывались принципы и критерии сотрудничества с художниками. В это же время складывался и коллектив, который остается почти неизменным до сих пор. Всего около тридцати человек и среди них — Грация Куарони, итальянский арт-критик и историк искусства, с 1991 года работающая в фонде и организовавшая здесь полсотни выставок. «Идея создания Фонда Cartier, — говорит Куарони, — в первую очередь связана с имиджем и ценностями дома Cartier, который ассоциируется с современностью, новаторством, превосходным качеством». Президент Cartier и сам дом хотели внести свою лепту в современное искусство. Но Cartier было не так интересно спонсировать музеи и галереи, как обзавестись собственным выставочным пространством с уникальной концепцией, отличной от других и идентифицируемой именно как Фонд Cartier.

Устав фонда определяет, что все, что связывает его с домом Cartier, — это имя. Получая финансовую поддержку от марки, он тем не менее остается независимым, а его обширная коллекция находится полностью в его собственном распоряжении под покровительством Fondation de France.

Ален Доминик Перрен, остающийся президентом основанного им фонда, рассказывает: «Мы в этом деле пионеры, придумавшие проект, который связал бренд и искусство. Еще важнее — сугубо профессиональное отношение к делу. Я не вмешиваюсь в художественный выбор комитета. Да, я патрон, и у меня есть право вето. Но и я, и дом Cartier скорее гаранты и покровители фонда, обеспечивающие его деятельность».

Другое жесткое правило устава гласит, что художники, выставяющиеся в фонде, никогда впредь не будут привлекаться к сотрудничеству с ювелирной маркой Cartier. «Не стоит путать меценатство с бизнесом! — говорил Перрен. — Это вульгарно! Дом Cartier сам по себе абсолютно самодостаточен».

В начале 1990-х возникла потребность в отдельном здании, где бы разместилась коллекция и устраивались выставки. Проект был создан архитек-

тором Жаном Нувелем. Художественные и технические характеристики нового музея, открытие которого состоялось в 1994 году, вполне соответствовали авангардному наполнению его хранилищ. Для него было выбрано место на бульваре Распай на левом берегу Сены, где когда-то стоял дом, в котором жил Шатобриан. Перед фасадом до сих пор высится ливанский кедр, посаженный поэтом почти двести лет назад. Прозрачное здание, сделанное из стекла и стали, почти растворяется в пространстве, отражая и преломляя в своих поверхностях небо, облака и окружающий сад. Шестнадцать этажей фонда, восемь из которых находятся под землей, включают в себя офисы, помещения для выставок, места для хранения экспонатов. Внутри выставочное пространство может модифицироваться и даже соединяться с прилегающим садом. «По желанию художник сам может сформировать среду для демонстрации своих работ, как это сделал в 2000 году Томас Деманд, приехавший с архитектором, который создал для него отдельный проект внутри экспозиции, — рассказывает Грация Куарони. — Мы предоставляем художникам полную свободу в освоении этого непростого пространства. Это ни в коем случае не борьба с архитектурой, а диалог. Зачастую художники находят куда более интересные решения, чем кураторы, проработавшие здесь уже два десятка лет».

Переезд в город, где по соседству расположены Лувр, Орсе и Центр Помпиду, заставил бороться за зрителя. Новое здание могло отныне функционировать как полноценный музей — с часами работы и входными билетами, доступный не только для специалистов по современному искусству или клиентов Cartier, а именно для широкой публики.

Главный принцип выставочных программ, проводимых фондом, — это безусловная творческая свобода, предоставляемая художнику вне зависимости от его известности. Сотрудничество с начинающими авторами только поощряется, так же как и многопрофильный и междисциплинарный подход, объединяющий все: от изобразительного искусства, фотографии, видеоарта, музыки и до научно-технических и социальных